

Г.П. ПИЛИПЕНКО

ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ВОЕВОДИНСКИХ ВЕНГРОВ

ВЗГЛЯД
«ИЗНУТРИ»
И
«ИЗВНЕ»

Экспедиции проведены при поддержке совместного проекта Института славяноведения Российской академии наук (РАН) и Института балканистики Сербской академии наук и искусств (САНИ) «Язык и культура национальных меньшинств на Балканах», а также при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этнокультурные и этноязыковые проблемы современности: языковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика».

Рецензенты:

Н. Н. Колпакова, к.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета;

М. Ю. Котова, д.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета;

Д. Ю. Ващенко, к.ф.н., с.н.с. Института славяноведения РАН

Ответственный редактор:

А. А. Плотникова, д.ф.н., гл.н.с. Института славяноведения РАН

Редактор:

д.и.н. С. И. Данченко

Пилипенко Г. П.

ПЗ24 Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне» / Г. П. Пилипенко. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 336 с.

ISBN 978-5-4469-1199-8

В книге представлены результаты полевой работы, проводившейся автором среди венгров в Воеводине (Сербия) с 2012 по 2015 г. Описывается функционирование венгерского и сербского языков изучаемого сообщества с социолингвистической точки зрения, затрагиваются вопросы идентичности. Подробно рассматриваются речевые стратегии билингвальных информантов. В книге анализируются нарративы, посвященные биографии информантов, истории мест их проживания, социально-экономическим явлениям, языковой компетенции, этнической истории региона, а также сохранению и трансформации культурной традиции.

Исследование будет интересно лингвистам, историкам, этнологам, антропологам.

УДК 81-112.4

ББК 81.2-03

В оформлении обложки использованы фото:

Венгерский дом-музей. Скореновац. Фото Б. Сикимич

Уличный указатель. Адорьян. Фото Б. Сикимич

Марадик — венгерское село в области Срем. Фото Г. П. Пилипенко

Зренянин, памятник Шандору Петёфи. Фото Г. П. Пилипенко

Адорьян. Улица Шандора Петёфи. Фото Б. Сикимич

ISBN 978-5-4469-1199-8

9 785446 911998

© Пилипенко Г. П., 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

Введение	4
1. Этнодемографическая характеристика Воеводины — исторический обзор и современное состояние.	16
2. Теоретические и методологические основы исследования	36
3. Изучение языка и культурно-языковой ситуации воеводинских венгров.	48
4. Двуязычное пространство в прошлом и настоящем	51
5. Ментальная карта двуязычного пространства.	75
6. Восприятие венгерской и сербской речи информантами	103
7. Распределение языков по сферам общения	121
8. Внутрисемейное общение — стратегии сохранения и утраты языковых и культурных маркеров	130
9. Выбор культурной и религиозной идентичности в смешанных семьях	145
10. Способ приобретения второго языка	151
11. Сербский и венгерский языки в контакте.	181
12. Некоторые особенности венгерского языка воеводинских венгров.	198
13. Сербский язык воеводинских венгров	255
14. Миграция населения	268
15. Особенности этнокультурной традиции воеводинских венгров.	295
Заключение	316
Литература	321

1. Этнодемографическая характеристика Воеводины — исторический обзор и современное состояние

1.1. Общая характеристика региона

Воеводина является автономным краем в составе Сербии. Площадь региона — 21506 км². По переписи 2011 г. население составляет 1931809 человек. Регион состоит из исторических областей Бачка (серб. *Bačka*, венг. *Bácska*), Банат (серб. *Banat*, венг. *Bánság*) и Срем (серб. *Srem*, *Srijem*, венг. *Szeremség*). Часть Срема входит сегодня в округ Белграда. Основные реки: Дунай, Тиса, Сава. Регион представляет собой равнину, является продолжением Паннонской низменности, самые заметные возвышенности — Фрушка гора в области Срем и возвышенность около города Вршац.

Население края отличается пестрым этническим и конфессиональным составом. Большинство населения региона — сербы (66,76%), на втором месте по численности венгры (13%), далее следуют словаки (2,6%), хорваты (2,43%), цыгане (2,19%), румыны (1,32%), черногорцы (1,15%), русины (0,72%), югославы (0,63%), македонцы (0,54%), украинцы (0,22%) и др. В Воеводине статус официальных языков имеют сербский, венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки. Национальным меньшинствам гарантированы все права и свободы, широко развита система образования на этих языках, выходит периодика, осуществляется трансляция теле- и радиопередач [Bašić, Crnjanski 2006, 148–164]. В конфессиональном отношении преобладают православные (70,25%), затем следуют католики (17,43%) и протестанты (3,31%). Административно Воеводина разделена на 7 округов: Срем (центр — Сремска Митровица), Южный Банат (Панчево), Центральный Банат (Зренянин), Северный Банат (Кикинда), Южная Бачка (Нови-Сад), Западная Бачка

(Сомбор), Северная Бачка (Суботица). Столица края — город Нови-Сад. Каждый округ поделен на общины, всего в крае насчитывается 41 община и 6 городов. Границы округов не всегда совпадают с границами исторических областей: так, к Северобанатскому округу отнесены такие населенные пункты Бачки, как Канижа и Адорьян. Регион пользуется автономией в составе Республики Сербия, имеется собственный краевой парламент. По уровню социально-экономического развития и промышленному производству Воеводина занимает ведущее место в стране [Воагов 2006, 25–33], во времена СФРЮ регион также отличался высоким уровнем развития промышленности и сельского хозяйства.

1.2. Историческое развитие

Воеводина всегда являлась перекрестком культур. Южные славяне заселяют эту территорию с VII в. Венгерские племена появляются на этих землях в X–XI вв. В средние века область, известная сегодня под названием Воеводина, долгое время являлась пограничной: сначала Венгерского королевства с Болгарским царством, затем с Византией (при этом регион неоднократно переходил от одного государства к другому), с XII в. — с Сербией. О присутствии славян на этой территории свидетельствуют топонимы: *Versec*, *Kanyiza* [Шушарин 1997, 245], *Toplica*, *Moravica*, *Slankamen*, *Zemun* [Поповић 1959, 40]; а также упоминания славянских имен в венгерских документах: так, встречаются имена жупанов *Радован* и *Вид* в Бачке и Среме в документах XI в., а также имена чиновников Торонталской жупании XV в. *Владислав*, *Новак*, *Влатко* [Там же, 50, 74]. Сербские и венгерские ученые отмечают континуитет как сербов, так и венгров на этих территориях в эпоху средневековья [Ивић 1971, 43, 50, 58; Ács 1986, 49, 107]. Стоит заметить, что сербы расселялись далеко на север от современной границы края, по всему течению Дуная. Развитие отношений между соседними венгерским и сербским королевствами (можно вспомнить династические браки: дочь сербского жупана Уроша Илона была женой венгерского короля Белы II; сербский король Драгутин был женат на Каталине, дочери венгерского короля Иштвана V [Ács 1986, 107]) способствовало заселению этого края сербами, как знатного происхождения, которые получали здесь земли, так и простыми крестьянами. Таким образом, население уже в ту пору было смешанным

[Ивић 1971, 68], что должно было привести к зарождению венгерско-сербского двуязычия [Bárczi 1975, 78]. К. Сенде отмечает, что в эпоху средневековья для всех венгерских городов не было характерно одноязычие [Szende 2009, 206]. В то время в сербский язык проникают некоторые венгерские слова: *herceg* (*herceg* — герцог), *rusag* (*ország* — страна), *šarkan* (*sárkány* — дракон, змей), *Uroš* (*Урош* — имя собственное от венгерского *úr* ‘господин’) [Hadrovcics 1985, 13].

Многочисленные миграции вызвала турецкая военная экспансия: венгерское население (вместе с некоторым количеством сербов и хорватов) переходит в северные области Венгрии. Сербь, бежавшие из занятых турками земель, получают возможность поселиться в этом крае для охраны венгерско-турецкой границы [Поповић 1959, 103–104; Benkő 1957, 84]. Именно на этих землях строится оборонительная линия короля Матиаша с замками Бач, Варад, Ковин, Илок. Венгерские документы середины XV в. фиксируют увеличение сербских топонимов и имен собственных в Воеводине. В основном эти переселенцы по происхождению были из центральной и южной Сербии [Ивић 1971, 65–67]. В период с середины XVI и до конца XVII вв. южные и центральные земли венгерского королевства (включая Буду, Пешт, Эгер, Эстергом) оказываются в составе Османской империи. На эти земли последовала новая волна переселения сербов, а вместе с ними греков, македонцев [Ács 1986: 134]. Так, если еще в 1522 г. г. Бач и его окрестности считались венгерскими: многочисленные венгерские фамилии крестьян, зафиксированные в переписи, подтверждают этот факт (*Ач, Борош, Надь, Сентмихай, Сабо, Ловаси* и т. д.), то в переписи турок, проведенной в 1550-х гг., встречаются только славянские имена (*Богдан, Вук, Новак, Радоша* и т. д.), что говорит об увеличении численности южных славян [Bárczi 1975, 194]¹. Районы Южной Бачки приобрели мусульманский характер, как по составу населения, так и по архитектуре [Hegyi 2011, 5]. В целом христианское население в тот период было малочисленным и распределено неравномерно [Janjetović 2005, 40]. Исследователи отмечают, что в турецкой армии самих турок было немного, в основном преобладали

¹ Такие же демографические изменения происходят и в других местах. Например, в Сенте, где еще в 1546 г. было венгерское большинство, в 1560 г. большинство населения составляли переселенцы с Балкан. В Мартоноше из 16 семей осталось только три венгерских. По всей видимости, вместе с сербами переселялось какое-то количество влахов [Hegyi 2011, 5].

славяне-мусульмане из Боснии, Сербии [Kakuk 1973, 534, Hegyi 2011, 4], поэтому турецкие слова могли проникать в венгерский язык через посредничество сербского языка: славяне произносили турецкие слова по-особому, что и отразилось на фонетическом облике турецких заимствований в венгерском языке: *erszény* (кошелек), *doboz* (коробка), *csizma* (сапог), *csárda* (корчма), *dohány* (табак), *bogrács* (котел), *betyár* (бетяр, разбойник). Называется общее количество слов осман-турецкого периода в венгерском языке: около 1000, в современном языке используется не более 20 [Kincses Nagy 2011, 58].

Сербский язык в это время становится своеобразным *lingua franca* в области среднего течения Дуная, во-первых, из-за численности сербов и широкой территории их расселения (эта область отмечается на австрийских и турецких картах как *Ráczsország*² [Поповић 1959, 28]), во-вторых, из-за экономической специфики края: сербские торговцы занимались разведением скота, выращиванием овощей, табака [Там же, 234]. Турецко-австрийские войны, эпидемии, восстание Ракочи приводят к очередным массовым миграциям. Славяне-мусульмане уходят вместе с турками, эти земли практически пустеют.

В 1690 г. происходит переселение большого числа сербов с территории Османской империи на только что освобожденные австрийцами земли Воеводины. Сербское духовенство и солдаты получают привилегии, на этих землях начинает развиваться сербская культура нового времени. Помимо церковнославянского языка сербской редакции и сербского разговорного языка, получают распространение церковнославянский язык русской редакции и русский язык (связи с Россией проявляются также в том, что сербы отправляются на учебу в Россию, из России поступают учебники, приезжают учителя; в середине XVIII в. часть воеводинских сербов переселяется в Российскую империю). С течением времени вырабатывается язык гибридного типа — славяносербский язык, сочетающий в себе элементы перечисленных выше идиомов, чаще всего комбинируемых в произвольной форме [Попова 1986, 10–12; Гудков 1999, 74].

Кроме сербов австрийское правительство поощряло переселение на эти земли немцев из Германии (серб. *Švabi*, нем. *Donauschwaben*),

---

² В венгерских и австрийских источниках именем *Rács*, производным от названия средневекового сербского государства (серб. *Рашка*, лат. *Rascia*), называли сербов [Радић, Милорадовић 2009, 153]

словаков, русин. Вена рассматривала венгров как не совсем благонадежных подданных, поэтому способствовала заселению края другими народами. Когда эти запреты были отменены, последовало несколько волн венгерской миграции. В 1750 г. заселяется Топола, в 1751–1753 гг. — Суботица, Баймок, Чантавир, в 1782 г. — Чока, в 1784 г. — Итебей, в 1785 г. — Фекетич. Венгры-переселенцы происходили из разных мест, поэтому в разных населенных пунктах до сих пор сохраняются реликты исходных диалектов: в Сенте и Тополе — палочкий диалект, задунайский — в Бездане, Куле и Дорослово, секейский — в Скореновце [Molnár Csikós 2003, 83]. Тем не менее исследователи отмечают, что установить регион переселения венгров во многих случаях невозможно [Csorba 2011, 19]. В XIX в. в регион также переселяются чехи, болгары, румыны. В Среме венгерские переселенцы появляются только со второй половины XIX в. [Janjetović 2005, 52]. Благодаря миграциям сложился поликультурный социум, в котором сформировались различные типы билингвизма. Каждый народ образует свои культурные общества, церковные общины, театры, библиотеки. В этот период в административном управлении доминирует немецкий язык. Немецкие заимствования быстро вытеснили многочисленные турецкие слова, которые еще оставались в сербском языке [Поповић 1959, 402]. В частности, в сербский язык проникают такие слова *špajz* (кладовка), *šporet* (кухонная плита), *cigla* (кирпич), *šunka* (ветчина), *tepih* (ковер) и т. д. До сих пор воеводинские диалекты сербского языка отличает больший вес немецких лексических элементов.

Постепенно отменяется особое военное положение этих земель, происходит интеграция в венгерскую часть монархии. Именно после отмены военного управления активизируется миграция венгров [Janjetović 2005, 51]. Венгерский язык занимает все больше места в школьных программах и в администрации. Политика мадьяризации предусматривала перевод образования и делопроизводства на венгерский язык. Поэтому в сербский язык (а также в другие языки народов Воеводины) проникают многочисленные мадьяризмы, в основном общественно-политическая и бытовая лексика: *nemeš* (дворянин), *eškut* (присяжный заседатель), *salaš* (хутор), *birov* (судья) [Hadrović 1985, 37], *varmeđa* (область, жупания), *jobađ* (крепостной крестьянин), *feišpan* (главный жупан), *lovac* (конюх), *sabov* (портной), *bekeš* (пальто на меху) [Čudić 2003, 188–192]. Таким образом, для

населения края на протяжении практически всех исторических эпох было характерно многоязычие, главными компонентами которого были немецкий и венгерский языки. При этом переселенцы, носители этих языков, происходили из разных диалектных зон. Воеводина была своеобразным «плавильным котлом» той эпохи.

К концу Первой мировой войны, когда решался вопрос о новых границах, в Воеводине проживало примерно одинаковое число южных славян (сербы, хорваты, буневцы, шокцы), венгров и немцев. Территория края в 1918 г. отошла к Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия). В связи с этим изменилась и языковая ситуация: сербский язык становится единственным государственным языком, венгерский язык вытесняется из сферы общественного употребления. Происходит активный процесс заимствования из сербского языка в языки народов края: словацкий, румынский, русинский, венгерский. На территорию края устремляются и так называемые «колонисты» — сербы из других регионов страны, в том числе и из Боснии, носители других диалектов³, а доля венгров и других народов уменьшается.

В период Второй мировой войны территория оказывается разделенной между Независимым государством Хорватия (Срем), Венгрией (Бачка) и Германией (Банат). В части, отошедшей к Венгрии, все переписи населения показывают увеличение числа этнических венгров, например, в Нови-Саде в 1941 г. венгры составляли чуть больше половины населения — самый большой процент за всю историю города. По всей видимости, здесь сработала практика, характерная для других земель, оказавшихся в составе Венгрии в тот период, — увеличение числа венгров за счет переселенных чиновников из собственно Венгрии, а также причисление к венграм евреев, для многих

---

³ С другой стороны, все население Воеводины можно также рассматривать в категории «переселенцев», поскольку заселение ее было планомерным, потому что так называемых старожилов происходят из самых разных областей Европы. Вопрос только во времени самого переселения и в восприятии местными жителями себя и окружающих в этих категориях. З. Дьёре пишет: «... в политическом, историческом и этническом смысле самое большое влияние на судьбу этой территории оказывали сербский и венгерский народы, при неоспоримом и возрастающем экономическом, этническом и культурном значении немецкого населения и представителей других народов, что в итоге стало основой для формирования специфической воеводинской идентичности и для понимания истории, заключенной в одной мысли, *что все мы здесь приплыли (да смо овде сви дођоши)*» [Бере 2004, 123].

из которых венгерский язык был первым языком. Такие же процессы происходили в то время в Закарпатье, перешедшем от Чехословакии к Венгрии на два года раньше, — в 1939 г. В этот период во всех трех частях региона совершаются массовые гонения на евреев, цыган, коммунистов. Многочисленная еврейская община практически перестает существовать в результате депортаций и массовых репрессий.

Этнодемографическая ситуация, а вместе с этим и языковая ситуация, претерпевают изменения в конце Второй мировой войны, когда происходит депортация немцев, т.е. прекращается непосредственный контакт народов края с немецким языком. Оставшиеся немцы мимикрируют в сторону венгерской национальности [Balaša 2009, 132], их доля в общем составе населения значительно снизилась. Затем последовала вторая волна колонистов из внутренних районов Югославии — в результате сербы составляют к тому времени более половины населения края⁴. Многие сербы и черногорцы заселяют деревни, некогда полностью населенные «швабами». С конца Второй мировой войны и по сей день в этнической структуре края наблюдается постепенное увеличение доли сербского населения при сокращении доли других народов. Общее население края сейчас снижается. Происходит это в том числе за счет новой волны массового притока сербского населения в Воеводину в результате войн на территории стран бывшей Югославии в 1990-е гг. XX в. [Габрић-Молнар 2007, 508]. И если в межвоенный период и в период сразу после Второй мировой войны мигранты добровольно переселялись на выделенные им земли, то сербы (и некоторые другие народы, в том числе цыгане) вынуждены были спасаться бегством от военных действий в Боснии и Герцеговине, Хорватии и в других частях бывшей Югославии, что в некоторый период приобрело масштабы гуманитарной катастрофы. Этнодемографический баланс региона в который раз оказывается изменен. Естественно, что подобные явления не могут остаться без

---

⁴ Практика привлечения так называемых колонистов на территории компактно проживающих национальных меньшинств была характерна не только для региона Воеводина и не только для государства Югославия. Так, во времена первой Чехословацкой республики в Закарпатье было организовано несколько поселений (напр., Даниловка, Свобода) для славян в зоне проживания венгров [Черничко, Фединец 2014, 85]. После Второй мировой войны в Италии в районе Триеста в зоне проживания словенцев власти разместили беженцев из Истрии [Кауџић-Баџа 2007, 207]. В самой Югославии на территорию Прекмурья переселяли приморцев (Беница, Пинце-Мароф) — словенцев и хорватов [Bensa 2011].

последствий. Новые «мигранты» приносят с собой новый тип культуры, свои традиции, свой язык, что входит в столкновение со сложившимися реалиями Воеводины. К этому нужно добавить существование стереотипов в самом сербском обществе: взаимные стереотипы жителей Воеводины и жителей других областей Сербии (подробнее об этом см. [Petsinis 2008, 274], который пишет о стереотипе «цивилизованного» воеводинца и «примитивного и отсталого» жителя Боснии и Краины). Все вышеперечисленное, а также ухудшение социально-экономической ситуации в конце 1990-х — начале 2000-х гг. ведет к развитию конфликтных ситуаций между старожилами (в том числе венграми, как наиболее многочисленным народом после сербов) и новыми поселенцами. В прессе последнего времени нашли отражение несколько конфликтных эпизодов на этноязыковой почве между венграми и сербами. Например, ситуация в г. Темерин, где в молодежной среде на национальной почве совершались насильственные действия (убийства, нападения, избиения), была в центре внимания прессы; в самом Темерине было достаточно сильное конфликтное напряжение [Dragin 2012].

Таким образом, на этноязыковую ситуацию в Воеводине влияют миграции населения и изменение общественно-политического устройства. Сербский язык, долгое время испытывавший влияние немецкого и венгерского языков, в современных условиях сам влияет на языки края.

1.3. Население региона

Посмотрим на статистические данные последней переписи, проводившейся в 2011 г. [Попис 2013]. Если взять за точку отсчета административные округа, границы которых не всегда совпадают с границами исторических областей, то получим следующую картину⁵.

Доля венгерского населения наиболее высока в следующих округах: в севернобанатском (46,64 %) и севернобачском (40,80 %), меньше всего венгров насчитывается в сремском (1,21 %), южнобанатском (4,49 %) и южнобачском (7,78 %) округах — как раз там, где фиксируется самый

---

⁵ А. Бозоки критикует принципы образования округов, нарушившие ранее существовавшие связи между населенными пунктами, в которых проживали венгры [Bozoki 2006, 205].

высокий процент сербского населения. Что касается других народов, то румыны наиболее многочисленны в Южном Банате (6,13%), словаки — в Южной Бачке (4,01%) и Южном Банате (4,69%), цыгане — в Центральном (3,87%), Северном (3,23%) и Южном Банате (2,73%).

На рис. 1–2 представлена этническая структура исторических областей Бачки, Баната и Срема в границах современной Воеводины с конца позапрошлого века, когда эти земли входили в состав Австро-Венгрии, до сегодняшнего дня. Мы специально выбрали два способа

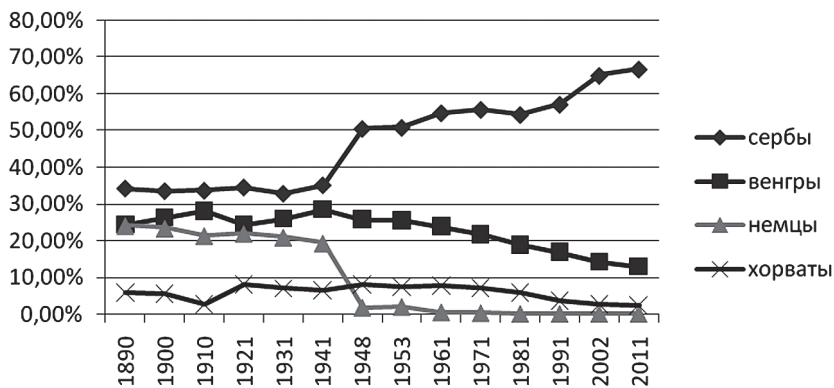

Рис. 1. Этническая структура Воеводины
(численность населения в процентах)

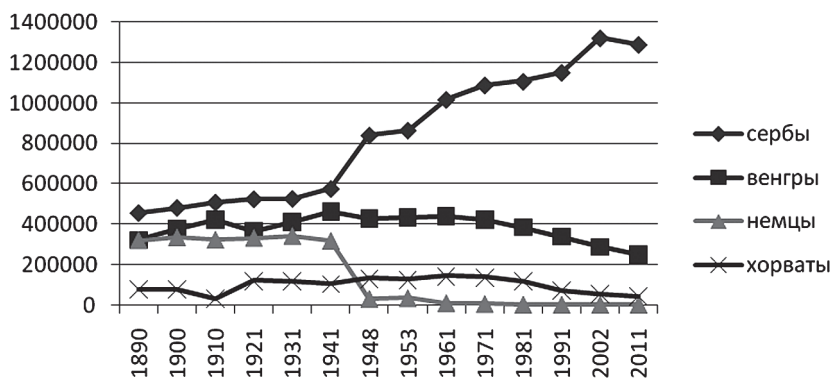

Рис. 2. Этническая структура Воеводины
(численность населения в цифрах)

представления данных переписи: процентное соотношение и абсолютные цифры. Как показывает сравнение данных двух графиков, при сохранении общих тенденций все же наблюдаются нюансы в этнической динамике края. Так, в абсолютных цифрах сербское население края вплоть до последней переписи стабильно увеличивалось даже тогда, когда в процентном отношении мы наблюдали «проседания» (см. данные за 1931 и 1981 гг.). И напротив — другое интересное замечание — последние данные показали, что сербов в процентном отношении стало больше: их доля возросла с 65,05 до 66,76%, тогда как в абсолютных цифрах снизилась с 1 321 807 до 1 289 635. Очевидны также два больших скачка при увеличении сербского населения: послевоенный период, что показала перепись 1948 г., а также период, начавшийся после распада Югославии с 1991 г. Эти периоды совпадают с массовым притоком колонистов после Второй мировой войны, а также с наплывом беженцев в результате войн 1990-х гг. Отметим, что в результате первой волны переселения колонистов перепись не показала такого сильного увеличения численности сербского населения.

Больше всего сербского населения концентрируется в границах сремского (84,95%), южнобанатского (72,36%), центральнобанатского (71,54%) и южнобанатского округов (70,97%). Меньше всего сербов проживает в севернобанатском (27%) и севернобанатском (42,67%) округах (рис. 3).

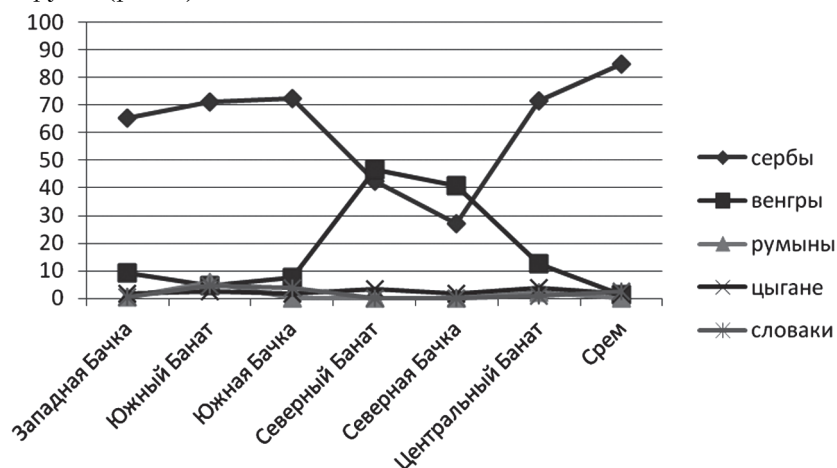

Рис. 3. Этнический состав административных округов

У венгров также четко прослеживается динамика: до 1910 г. их численность в результате проводимой политики мадьяризации возрастала, затем, после присоединения к Королевству сербов, хорватов и словенцев — снизилась. К 1941 г. численность венгров возрастает. В первые послевоенные годы заметно снижение венгерского населения — оно стабилизировалось на межвоенном уровне, зафиксированном в 1931 г., затем наблюдался естественный прирост населения. Этот прирост заметен на рис. 1 — до 1961 г., а на рис. 2 — до 1971 г. (т.е. в процентном отношении перепись 1961 г. уже выявила снижение доли венгров в общекраевом масштабе, в абсолютных же цифрах мы наблюдаем увеличение числа венгров в последующие 10 лет). Л. Гёнц отмечает, что во времена второй Югославии «судьба воеводинских венгров во многих областях сложилась весьма благоприятно» [Göncz 1999, 53]. Это касается сферы увеличения политических и культурных прав, закрепления за венгерским языком статуса официального, а также развития системы образования на всех уровнях на венгерском языке.

Затем вплоть до сегодняшнего дня отмечается устойчивое снижение венгерского населения на обоих графиках. По данным последней переписи численность венгров достигла минимума за последние 120 лет статистических наблюдений. Особенно заметно снижение численности венгров в период с 1991 г. Этому способствовало несколько причин. Во время войн на территории стран бывшей Югославии в Сербии проводилась мобилизация населения, от которой многие представители национальных меньшинств уклонялись, уезжая за границу. Кроме того, нестабильная социально-экономическая ситуация привела к тому, что многие вынуждены были переехать в другие страны в поисках работы.

Что касается немцев, составлявших большинство населения в таких общинах, как Бачка-Паланка, Кула, Апатин, Сомбор, то их численность была более-менее стабильной до Второй мировой войны, а после ее окончания практически все немецкое население было выселено с территории края. Оставшиеся немцы декларируют хорватскую или венгерскую идентичность [Balaša 2009, 132]. Только в последнее время возрождаются немецкие культурные организации, ученые интересуются идентичностью и культурой «швабов»⁶. Пере-

---

⁶ О ревитализации немцев в Апатине см. [Balaša 2009].

пись 2011 г. показала даже небольшое увеличение немцев в Воеводине на 163 человека — с 3901 до 4064.

Территория	Всего	Сербы	Венгры	Румыны	Цыгане	Словаки
Воеводина	1 931 809	66,76	13	1,32	2,19	2,6
Западная Бачка	188 087	65,31	9,34	0,71	1,6	0,58
Южный Банат	293 730	70,97	4,49	6,13	2,73	4,69
Южная Бачка	615 371	72,36	7,78	0,21	1,7	4,01
Северный Банат	147 770	42,67	46,64	0,28	3,23	0,14
Северная Бачка	186 906	27	40,8	0,04	1,79	0,15
Центральный Банат	187 667	71,54	12,55	2,25	3,87	1,14
Срем	312 278	84,95	1,21	0,03	1,76	2,61

Если обратиться к анализу данных по другим народам края, то, например, можно заметить, что численность румын и хорватов сокращается (что касается хорватов, это происходит в том числе из-за выделения буневцев в отдельную группу при переписях населения), численность же цыган увеличивается (с 1,2 % в 1991 г. до 2,19 % в 2011 г.).

Еще одним важным демографическим показателем является убыль населения. Практически во всех населенных пунктах, где проводилось наше исследование, отмечено снижение численности населения, например: Ада — 18 994 в 2002 г. и 16 991 в 2011 г.; в Скореновце — 2574 в 2002 г. и 2354 в 2011 г. Единственным населенным пунктом, в котором фиксируется увеличение населения, является Нови-Сад, что понятно, если учитывать концентрацию экономических и культурных ресурсов в столице края: 210 238 в 2002 г. и 250 439 в 2011 г.

Общая тенденция, отмечаемая в Сербии на протяжении ряда переписей (с 1948 г.), — уменьшение числа молодых людей и увеличение количества людей среднего и пожилого возраста. Так, если доля населения до 1961 г. в возрасте от 0 до 14 лет колебалась около 30 %, а доля тех, кто старше 65 — около 5 %, то в 2011 г. доля детей до 14 лет сократилась до 15 %, тогда как доля тех, кому за 65, составила более 15 %. Среди венгров преобладают те, кому сейчас от 55 до 65. При этом средний возраст «венгра» 44,97 года (рис. 4). Для сравнения — средний возраст по Сербии 42,24. У самих сербов средний возраст

чуть ниже — 42,54. Выше этого показателя средний возраст отмечается у цыган и народов, принадлежащих к исламскому культурному ареалу (бошняки, горанцы, албанцы, мусульмане). Так, цыгане являются самыми «молодыми» — их средний возраст составляет 28,31. Далее следуют бошняки — 33,48⁷, горанцы — 35,37 и мусульмане — 38,57. Среди народов, населяющих Воеводину, по этому показателю венгров опережают словаки, которые сразу следуют за сербами (средний возраст 44,29), и румыны (44,57). Украинцы идут практически вровень с венграми (показатель 45,04), для русин средний возраст составляет 45,12 лет, для буневцев — 46,67, для хорватов 51,02, а немцы находятся на предпоследнем месте (показатель составляет 53,4).

Таким образом, об этнической витальности народов, населяющих Воеводину, можно сказать следующее. Средний возраст всех «титულных» официальных народностей Воеводины ниже среднего возраста по стране. Постепенно снижается численность представителей этих народов, что видно по динамике переписей населения. Естественно, что средний возраст, каким он сейчас является, не способствует увеличению численности ни венгров, ни словаков, ни хорватов. Это происходит из-за снижения рождаемости, а также из-за усиленного миграционного оттока населения, обусловленного социально-экономическими условиями. Среди народов Сербии самый низкий средний возраст зафиксирован у цыган.

При рассмотрении этнической структуры населения Воеводины мы не можем обойти стороной югославы. Этническая принадлежность «югослав» появляется в переписях уже в 1961 г. и до сих пор присутствует среди рубрик переписей. Югославская идентичность является результатом смешанных браков и культурно-эмоциональных предпочтений индивида, воспитанного в системе ценностей Югославии послевоенного периода. Исследователи отмечают, что больше всего югославами себя именовали жители многонациональных областей Югославии (Воеводина, Славония в Хорватии, Босния и Герцеговина), а также больших городов, тогда как в гомогенных с точки зрения этнического состава республиках (например, Словения) таковых был минимальный процент. Количество смешанных браков в Воеводине в послевоенный период было высоким [Šimon

---

⁷ Об этнической витальности бошняков, проживающих в общине Тутине, см. [Пилипенко 2014в].

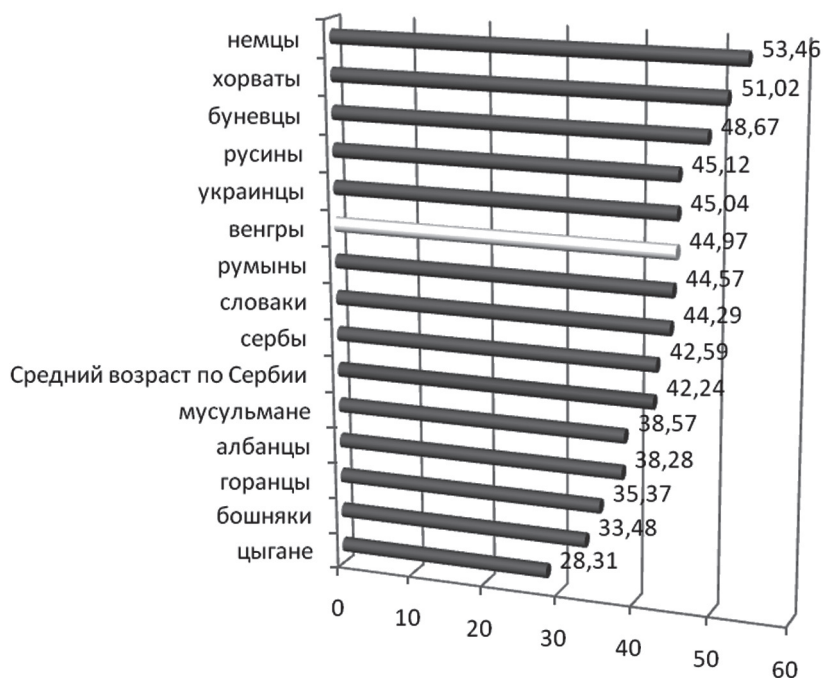

Рис. 4. Средний возраст народов, населяющих Сербию

Vuletić 2002, 49]. Многие жители края имели двойную идентичность и не могли себя ассоциировать только с одной национальностью, поскольку не имели в этом необходимости [Там же, 47]. В 1981 г. в Воеводине югославы были на третьем месте (8,21%) после сербов (54,42%) и венгров (18,93%). И даже в 1991 г., когда по всей Сербии было заметно снижение численности югославы, именно в Воеводине отмечалось небольшое увеличение их числа (с 165 215 до 168 859). В 1988 г. 33,7% всех браков в Воеводине были смешанными [Там же, 69], и даже в 1993 г. их доля оставалась все еще высокой — 24,7%. В. Шимон Вулетич приводит примеры, свидетелем которых она была: при ответе на вопрос о своей национальности во время переписи 2002 г. люди испытывали сомнения и колебались, спрашивали, могут ли они определить себя как югославы [Там же, 60]. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что политика отнесения себя к югославам (среди венгерского населения) была порочной,

поскольку таким образом происходил отказ от собственной идентичности [Mirnics 1993, 89–90; Kicošev 2006, 19]. В доказательство приводятся цифры: среди югославов, по переписи 1981 г., 12000 назвали своим родным языком венгерский [Mirnics: 1994, 122]. Многие этнические венгры могли причислять себя к югославам из-за культурно-эмоциональных устремлений. В. Шимон Вулетич пишет о том, что среди ее знакомых венгров в Суботице было много таких, кто специально подчеркивал свое отношение к Югославии, называя себя югославскими венграми, поскольку это определение имело в то время «ауру свободы и благосостояния» по сравнению с Восточной Европой, менее развитой в социально-экономическом плане, чем социалистическая Югославия. Автор замечает, что эта идентификация не означала потерю идентичности, ведь семейные традиции и семейные

истории сохранялись [Šimon Vuletić 2002, 58]. Проблемы с этнонимом «югослав» начались как раз в 90-е гг., когда в общественно-политическом дискурсе все больше обозначилась проблема четкого определения своей этнической принадлежности. Переписи 2002 и 2011 гг. четко показывают резкое снижение тех, кто определил себя как «югослав» (рис. 5, 6).

Для многих людей было проблематично определить собственную идентичность, поскольку за послевоенное время количество смешанных браков выросло многократно, и оперировать набором идентичностей, которые существовали на тот момент, в условиях мультиэтнического сообщества было трудно. О степени этнокультурной многослойности воеводинского общества свидетельствуют,

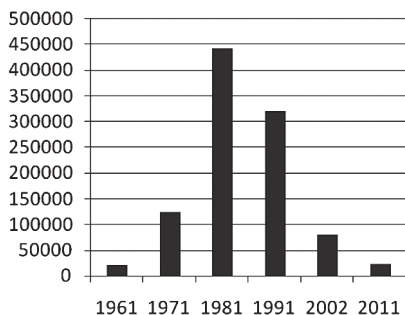

Рис. 5. Югославы в Сербии (цифры)

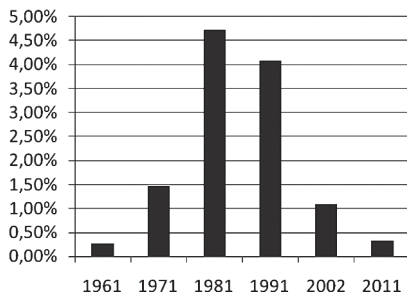

Рис. 6. Югославы в Сербии (проценты)

например, сербские фамилии учеников в венгерских классах, а также венгерские фамилии в сербских классах (и те, и другие соответственно в венгерской (*Popity, Bozsics*) и сербской орфографии (*Birkaš, Kočiš*)) [Там же, 47]. Итак, если смотреть на динамику численности югославов по Сербии в целом, то рост их численности фиксируется до 1981 г., с 1991 г. наблюдается резкое падение. С другой стороны, как уже упоминалось выше, для Воеводины этот рост продолжился и в 1991 г., что свидетельствует об устойчивости восприятия данной идентичности в крае. При уменьшении численности югославов в целом все же интересно посмотреть статистику по Воеводине и сравнить ее с показателями других регионов Сербии. Доля югославов в автономном крае составляет 0,63% — самый большой показатель среди регионов страны. Для сравнения: в Белграде — 0,49%, а самый большой процент на территории остальной Сербии фиксируется в Пироте — 0,13%, во всех других округах — менее десятой части процента. По административным округам внутри самой Воеводины показатели следующие (рис. 7).

Самым «югославским» округом (1,83%) даже в современных условиях оказывается Северная Бачка. О многонациональном характере данного края и о распространенности именно в той местности этнонима «югослав» как раз пишет В. Шимон Вулетич. И это несмотря на значительное снижение популярности данного этнонима на всем постюгославском пространстве, не говоря уже о том, что государства

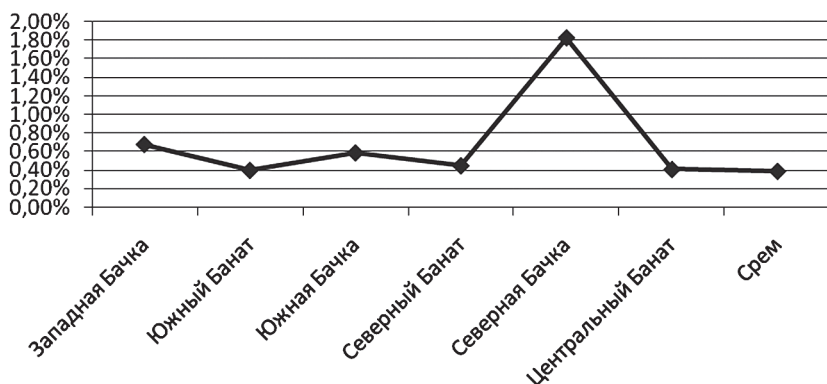

Рис. 7. Доля югославов по административным округам Воеводины (перепись 2011 г.)

Югославия давно не существует. Вероятно, поэтому Воеводина лидирует в Сербии по такому показателю, как уровень общественного восприятия национальных меньшинств — 65,3 % жителей Воеводины положительно оценивают факт мультиэтничности своего региона, тогда как в Белграде этот показатель равен 55 %, а в Центральной Сербии — 40,9 % [Bašić; Crnjanski 2006, 31]. Показатель доли югославов является косвенным отражением политики мультикультурализма времен СФРЮ. Тем не менее в Воеводине сохраняется потенциал для конфликтов на этноязыковой почве, в том числе сербско-венгерских, что подтверждают случаи насилия, имевшие место в последнее время [Petsinis 2008, 271], а также поляризация этнических общин в смешанных зонах [Láphaft, Németh, Reményi 2014, 150].

Обратимся теперь к расселению венгров на территории Воеводины. Это важно для понимания специфики выбранных нами населенных пунктов, в которых проводилась полевая работа. Больше всего венгров (57 % от общего числа) проживает на севере края в округах Северная Бачка и Северный Банат. Венгры преобладают в следующих общинах: Канижа (85,14 %), Сента (79,09 %), Ада (75,04 %), Бачка-Топола (57,94 %) и Мали-Иджёш (53,91 %). Менее половины населения венгры составляют в Чоке (49,67 %), Бечее (46,34 %) и Суботице (35,65 %). В общинах Нови Кнежевац, Темерин, Србобран и Житиште их доля колеблется от 28 до 20 %. В общинах Сомбор, Зренянин и Ковин — около 10 %, в общине Нови-Сад — 4,11 %.

Что касается населенных пунктов, которые мы посетили во время наших экспедиций, здесь наблюдается следующая ситуация. В самом городе Нови-Сад венгров насчитывается 9735 (3,9 %), абсолютное большинство составляют сербы. В Аде прямо противоположная ситуация: венгров — 11385 (73,1 %). В Панчеве, куда административно относится Войловица, — 2880 (3,17 %), в Адорьяне (община Канижа) (по переписи 2002 г.) венгров было 74,91 %, в Скореновце, административно состоящем в общине Ковин, — 86,71 % (перепись 2002 г.). В Адорьяне — на втором месте по численности румыны, за которыми на самом деле скрываются баняши, говорящие на особом варианте румынского языка, а на третьем месте — собственно цыгане. В Скореновце проживает небольшое число банатских болгар и сербов. В Войловице население состоит из трех групп: венгров, сербов и словаков. В Аде на втором месте по численности находятся сербы. В г. Нови-Сад абсолютное большинство составляют сербы, в том числе и в

районе Телеп [Úgi 2007, 68], некогда считавшемся венгерским поселением.

Если обратить внимание на средний возраст, то в таких городах, как Нови-Сад и Панчево, он составляет 39,8 и 41,5 соответственно. Это ниже, чем средний возраст в других населенных пунктах, что понятно, учитывая миграционную привлекательность таких экономически и культурно развитых центров для жителей небольших городов и деревень. Для сравнения, в Скореновце средний возраст населения 42,3, а в соседнем селе Иваново, также населенном буковинскими секеями и в большей мере, чем Скореновац, банатскими болгарами, — 45 лет. В Аде средний возраст составляет 43 года, в Моле, который практически сросся с Адой, этот показатель равняется 42,4. Таким образом, в этих населенных пунктах средний возраст находится примерно в тех значениях, которые характерны для показателей «среднего венгра» или «среднего серба», т.е. 44,97 и 42,59 соответственно. На этом фоне выделяется ситуация в Адорьяне: там средний возраст составляет 37,6, что значительно ниже даже среднего показателя по стране (42,24). Вероятно, все дело в том, что значительный процент составляют баянши, заявляющие о своей румынской принадлежности, и цыгане. Напомним, что средний возраст цыган самый низкий в Сербии и составляет 28,31. Именно такой показатель у баяншей и цыган «разбавил» средний возраст этого преимущественно венгерского села. Следует отметить, что ни один другой населенный пункт в преимущественно венгерских потисских общинах (Канижа, Сента, Ада) не имеет такого низкого показателя.

Миграционные изменения также чрезвычайно важны при изучении языковой ситуации и трансформации традиционной культуры, особенно если речь идет об этнических меньшинствах. Как уже было обозначено выше, население Воеводины формировалось из переселенцев. Эти процессы продолжают и в наши дни, что находит отражение в переписях населения. Сравним два региона — Потисье (общины Ада и Канижа) и урбанистические центры Южной Бачки и Южного Баната (Нови-Сад и Панчево). В общинах Ада и Канижа процент населения, проживающего с рождения в данном населенном пункте, составляет 64,2 %. Доля всех миграций из Сербии (переселение из другого населенного пункта общины, из другого населенного пункта внутри данной области, а также из других областей Сербии) равна 32 %. В общине Ада процент прибывших из-за границы — 3,8 %,

в общине Канижа — 2,87 %. С другой стороны, в урбанистических центрах (Нови-Сад и Панчево) складывается совершенно другая ситуация. Так, в Нови-Сад доля населения, родившегося в данной общине, составляет всего 41 %, в Панчеве — 53 %. Процент тех, кто переехал в эти общины, составляет 59 % и 47 % соответственно. При этом среди этих переселенцев существует градация по месту прибытия: из Сербии — 37,4 %, из-за границы — 21,4 % для Нови-Сада; и 32,6 % из Сербии и 14,4 % из-за границы — для Панчева. Нужно сказать, что в Нови-Саде и Панчеве большинство тех, кто переехал на место жительства из-за границы, — выходцы из бывших республик Югославии (в структуре этих мигрантов — более 90 %) ⁸, тогда как в Аде и Каниже таковых примерно по 50 %. Таким образом, индустриальные центры Воеводины привлекают больше мигрантов, в том числе беженцев из бывших республик Югославии. Это приводит к росту числа жителей самих городов и сокращению доли в структуре населения тех, кто живет с рождения в городе: в г. Нови-Сад доля таких жителей менее половины (нас же как раз интересовали именно такие информанты — жители Телепа и Войловицы). Естественно, что возрастание миграции влияет на мироощущение коренных жителей этих районов, в их нарративах чувствуется ностальгия по ушедшему времени, поскольку стремительно меняется социальное и языковое окружение. В северных районах Воеводины (Аде и Каниже) миграционная привлекательность ниже: приблизительно около $\frac{2}{3}$ населения там принадлежат к автохтонам. Здесь же невелика доля мигрантов из бывших республик Югославии, вероятно, потому, что само окружение не является сербоязычным.

Таким образом, исследование проводилось как в гомогенных венгерских районах Воеводины (район Потисья, где наблюдается наибольшая концентрация венгров), так и в местах изолированного, «островного» проживания венгров (Скореновац, Войловица, Нови-Сад), расположенных на юге автономного края. Среди информантов были как городские жители (в том числе краевой столицы, г. Нови-Сад, второго по величине в Сербии), так и жители сёл. Войловица относительно недавно стала частью Панчева. Среди самих венгров

---

⁸ Следует отметить, что и в более ранних миграционных волнах (при переселении колонистов) преобладали выходцы из Боснии и Герцеговины и Хорватии (Лика) (около 63 % всех переселенцев) [Bjeljac, Lukic 2008, 84].

выделяются буковинские секеи (Войловица, Скореновац) и собственно венгры. По конфессиональному признаку венгерские информанты делились на католиков⁹ и сторонников реформатской церкви¹⁰ (Войловица, отдельные информанты из Нови-Сада). Также были проведены интервью с информантами из смешанных семей — с теми, кого можно было бы назвать венгром только наполовину или на четверть и чьи предки были самого разного происхождения (немцы, хорваты, банатские болгары, чехи, сербы и т.д.). При исследовании подобного рода мы не можем игнорировать такие случаи, поскольку они свидетельствуют о мультикультурном прошлом и настоящим края, позволяют увидеть поведенческие стратегии в сфере языка и культуры. О распространенности подобных явлений в Воеводине пишет В. Шимон Вулетич: «В своих личных исследованиях я слышала много историй о прадедушках, забредших из других земель, о внуках, которые одного дедушку звали *ded*, а другого *dida*¹¹, ... о сокрытии происхождения и переименованиях, о бабушках, которые своим сербским внукам пели на немецком, и еще о многих судьбах, которые может описать только литература, но никак не статистика» [Šimon Vuletić 2002, 82].

---

⁹ Назвать католическую церковь в Воеводине «венгерской» было бы неправильно, поскольку ее прихожанами являются представители других народов, например, хорваты [Plić 2010, 308].

¹⁰ Приблизительно 90% всех воеводинских венгров — католики [Dragin 2015, 15], численность реформатской церкви с центром в Фекетиче составляла на 2006 г. 17 000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oikoumene.org/en/member-churches/reformed-christian-church-in-serbia-montenegro> (02.04.2016). А. В. Илич пишет, что в реформатской церкви около 15.000 верующих, большинство конгрегаций находится в этнически гомогенных небольших венгерских населенных пунктах [Plić 2010, 309].

¹¹ Речь идет о икавском и икавском рефлексе *ѣ, первое произношение распространено в говорах на территории Черногории (в Воеводине — у колонистов из Черногории), второе — у буневцев.

2. Теоретические и методологические основы исследования

В контексте нашего исследования важными являются такие понятия, как высказывание, текст, нарратив, идентичность, метаязыковая функция языка.

Остановимся более подробно на учении М. М. Бахтина о высказывании и «чужом слове» в высказывании. М. М. Бахтин говорит о том, что использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний [Бахтин 2000, 249]. Границы высказывания отличны от границы предложения, поскольку они определяются сменой речевого субъекта [Там же, 265]. М. М. Бахтин относит предложение к единицам языка, а высказывание признается единицей речи [Там же, 267]. Любое высказывание отражает намерения и цели говорящего, при его анализе важен не только отбор лексических и грамматических единиц, но и само композиционное построение. Всякое понимание живой речи носит активно-ответный характер, а каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний [Там же, 260–261]. Поэтому высказывание нельзя считать элементом речи, как ее понимает Ф. де Соссюр, — совершенно свободной комбинацией форм языка [Там же, 274–275]. Далее М. М. Бахтин развивает идею о невозможности абсолютно нейтрального высказывания [Там же, 279]. В любом высказывании есть много «чужих слов», которые по-разному осознаются и оформляются в человеческой речи. Индивидуальный речевой опыт человека формируется во взаимодействии с чужими высказываниями [Там же, 285].

В лингвистике и семиотике культуры мы сталкиваемся не только с понятием высказывания, но и с понятием текста. Для нашего исследования важным является понятие культурного текста, как его определил Ю. М. Лотман: «С точки зрения культуры, существуют только те сообщения, которые являются текстами. Все прочие как бы не существуют и во внимание исследователем не принимаются. В этом смысле можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [Лотман 2002, 28]. Культурный текст противопоставлен не-тексту. Именно культурные тексты могут генерировать смыслы [Лотман 2002а, 162], тогда как устная речь тяготеет к мгновенности и не фиксируется в коллективной памяти [Там же, 326]. Одним из ключевых понятий является закодированность текста, задача исследователя заключается в том, чтобы реконструировать этот код [Лотман 2002, 60]. Конкретно наша задача состояла в реконструкции кода, зашифрованного в нарративах, устных высказываниях информантов. Все анализируемые в книге высказывания не являются культурными текстами. К фиксируемым в коллективной памяти текстам можно отнести обрядовые песни и речевые формулы, используемые во время обходов (записано в Войловице).

Н. И. Толстой в свою очередь говорит о том, что в семиотическом смысле культура многоязычна, поскольку встречается одновременное использование нескольких языков в тексте [Толстой 2013, 14]. Под текстом в московской этнолингвистике понимается «не последовательность написанных или произнесенных слов, а некоторая последовательность действий, а также обращение к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Там же, 14].

В настоящем исследовании для нас ключевым является понимание того, что любое высказывание выражает отношение к предмету сообщения и направлено на получение ответной реакции¹. Высказывание индивидуально в плане его реализации конкретным индивидуумом, однако, будучи включенным в определенный контекст событий, оно приобретает общественное измерение. «Чужие голоса»²

---

¹ Об этом, в частности, пишет Т. В. Цивьян: «сообщение ориентировано не только на информацию в чистом виде, но и на определенную реакцию слушающего...» [Цивьян 2008, 43].

² Проследивание различных голосов или дискурсивных логик в тексте ученые называют стратегией полифоничности [Йоргенсен, Филлипс 2008, 245].